

Александр НИЛИН

ДАВНО И НАДОЛГО

ЛЕГЕНДЫ об Игоре Ильинском нет, миф о нем не сложился.

В отличие, например, от Марии Бабановой — его великой партнерши на мейерхольдовской сцене. Правда, мифу о Бабановой и то, разумеется, способствовало, что талант этой несравненной актрисы, звездно востребованный в двадцатые, тридцатые, в меньшей степени в сороковые годы, в других театральных временах оказался лишним. Для нас, впрочем, вовсе не новость, когда единственной новостью таланта предпочитают отсутствие и тени новизны — и лишним оттого становится не третий, а первый.

Однако сверстник Бабановой Игорь Ильинский первенство первого с двадцатых годов никому не уступал до восьмидесятых, в которых, победно финишировав. Меня ничуть не смущает спортивный термин — знаменитый артист и форму свою физическую всю жизнь, поддерживал спортивными тренировками, и, главное, в характере его определяющим было спортивное, соревновательное начало.

Не смущает и возможный упрек в преувеличении, в желании выдать инерцию за продолжающееся восхождение. Может быть, поздний Ильинский и не был так остроощутимо популярен, как в молодости, но происходило это, по-моему, лишь из-за того, что к долгой славе привыкают, как привыкают к архитектуре исторических зданий и памятникам на городских площадях. Много лет назад, когда в Москве еще извозчики функционировали, веселых друзей Ильинского забавляло, что входящий в известность артист живет в Ильинском переулке, — им пришлось кричать, салюты в пролетку: «К Ильинскому!» Но кто бы сегодня удивился, будь — а, кстати, почему его нет? — в столице переулок, носящий имя народного артиста?

...Какой же комический артист не мечтает о Гамлете или Отелло — ролях для него-то, комика, за семью печатями?

Но Ильинский — из тех немногих, прославившихся в комедийном жанре, кому удалось и трагическая роль в классическом репертуаре: пятидесятилетний актер Малого театра сыграл Акима во «Власти тьмы».

Не знаю, надо ли в приуроченных к круглой дате заметках сосредотачиваться на подробностях, вроде бы не значащих на фоне хрестоматийного достижения, каким считается исполнение Ильинским роли колтосовского старика-крестьянина, и вспоминать настойчивость, с какой опровергал он многократно обеспечивающую успех прежнюю репутацию, выламываясь из амплуа, изначально принесшего ему зрительскую любовь.

Однако я воспеваю в памяти и смутно как-то брезжащий в ее детских глубинах облик академика из погодинской пьесы «Когда ломаются колья», и почему-то ярче отпечатавшегося в ней матроса, кажется, Шибалева из — и тогда-то, поверьте, — представившейся холдульной драмы Вишневецкого «Незабываемый 1919-й». Друг актер нашел для героической роли характерность, скопировав манеру автора при холдье враскачку вскидывать кулаки. Задерживаясь на этих эпизодах сейчас только для того, чтобы высказать одно предположение. Все воплощение и перевоплощение, вошедшие все случившееся на его актерском веку, в сегодняшнем, отстраненном восприятии могут быть соединены единым детективно-биографическим сюжетом. В нем самым загадочным, самым интригующим персонажем остается сам исполнитель, чья трагикомическая факсимильность очевидна, простирает сквозь грим едва ли не каждой из сыгранных ролей.

Игорь Ильинский — чем не персонаж непревзойденной человеческой комедии, разыгранной у нас на глазах и не без нашего участия целой страной на протяжении столетий лет?

Игорь Ильинский — в одной только реакции на само имя артиста есть несомненная самодостаточность, предвещание непредсказуемого.

Наш Чаплин?

Но разве же кому-нибудь из нас мало того, что он — наш Ильинский?

Что же мешало сложить о нем легенду, миф? Непрерывность первенства — и все? А не логика ли в сопряжении, казалось бы, неспоряемого? Он вышел на сцену Малого театра сыграв Льва Толстого в пьесе Друж — и ни у кого в зрительном зале ни протеста, ни улыбки, ни парализован с какой-либо из его ролей иного плана. И даже ожидаемая сенсация, мне показалось, не произошло — было продолжение: еще до покорившего ценителей и знатоков Акима он много лет читал с эстрады «Рассказ Карла Ивановича» из «Детства», «Отрочества» и «Юности». И теперь стало очевидным, что личное отношение Игоря Ильинского к Толстому образует некий театр факта — и уж лицедейские возможности знаменитого артиста в этом случае отодвигались, на второй план, а портретное сходство не так уж и занимало.

КНИГА эта попала ко мне совершенно случайно из библиотеки давно умершего актера. Она предназначалась как пособие для

театральных техникумов, вузов и студий. Целью ставилось обобщение сценического опыта лучших актеров всех времен, начиная с Тальмы, Эдмунда Кина, Каратыгина, Мочалова, Щепкина, Коклена-старшего, Дузе, Ермоловой, Комиссаржевской. После кратких биографий знаменитостей — велик соблазн добавить к списку перечисленных Орленева, Станиславского, Вахтангова, Качалова, Михаила Чехова, Леонидова, Москвина — помещены их высказывания на профессиональные темы.

В книге присутствуют и самые молодые из тогдашних (книга издана в 1935 году) звезд: Хмелев, Завладский, Шукин, Штраух, Бабанова. И среди них тридцатичетырехлетний Игорь Ильинский. Не знаю уж почему, но он никаких соображений своих не высказывает — и после его биографии (он к той поре сыграл уже в Театре имени Мейерхольда и Брюно в «Великодушном рогоносце»), и Арашку в «Лесе» Островского, и Расплюева в «Свадьбе Кречинского», и Присыкина в «Клопе» Маяковского, и в кино успел сыграть: «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Праздник св. Иоргена» помещено выступление Мейерхольда на творческом вечере Ильинского в театральном клубе.

Выступление состоялось за два года до выхода книги. И Мейерхольд сказал следующее: «...Как ни странно, может показаться многим, но когда говорю об Ильинском, невольно вспоминаешь Чехова, который очень любил выражение «мыслил образами»...»

Чехов всегда жил в мире каких-то фантомов, возникавших у него по ассоциации с той или иной репликой. Сейчас же он под эту реплику представлял себе соответствующую фигуру, которая потом со временем вырастала в какой-нибудь тип его повести или рассказа.

Только один из актеров современности напоминает мне эту любопытную черту Чехова. Это — Игорь Ильинский...

Волнует в этом высказывании уже одно то, что о Чехове заговорил Мейерхольд — человек, близкий знавший Антона Павловича, имевший книги с его лестными дарственными надписями, игравший Тузенбаха на премьере «Трех сестер».

Но какой, однако, крутой вираж в привычном для нас взгляде на актера. Какой резкий поворот темы, когда чеховское обнаруживается в молодом, тренированном, «биомеханичном» крепissime — конькобеже и теннисисте и опять же комике. А ведь, судя по всему, Мейерхольд говорит не о раннем Чехове юмористических рассказов: он свидетельствует о классике, с которым непосред-

ственно общался совсем незадолго до его кончины.

Я еще и потому с волнением эту книгу перечитываю, что не могу не думать о событиях, последовавших за выходом ее в свет. Через четыре года закроется Театр Мейерхольда, а еще через год самого Мейерхольда арестуют. И книга на полтора десятилетия — до реабилитации Мейерхольда (и Михоэлса, поскольку его биография и рассуждения в ней тоже есть) — превратится в запрещенную, хранить ее, держать в домашней библиотеке будет небезопасно. А Ильинский в тридцать пятый год окончательно уйдет от Мейерхольда. Будет служить всю оставшуюся, достаточно долгую жизнь в Малом театре: театре — «правительственному», то есть не только государственным и академическим, но и предпочтительным партийным войскам. И в театре, можно сказать, актерском, с режиссерами, сопоставимыми с мейерхольдовским авторитетом, Ильинский никогда больше не столкнется в работе.

Он будет удостоен всех учрежденных для артиста титулов и званий — и со стороны его жизнь будет видиться лишенной какого-либо драматизма. Только вхожим в театральные круги будут известны особенности характера Игоря Владимировича, усложняющие общение с ним в личном быту. Правда, и сам он близким друзьям рассказывал со смехом, что однажды, торпливо шагая по коридору гостиницы «Европейская» в Ленинграде, собственное отражение в зеркале принял за некоего весьма неприятного ему своей упрямой, агрессивной напористостью человека — и решил ни в коем случае не уступать ему дороги.

ВСЕВОЛОД Мейерхольд, по утверждению всех с ним сотрудничавших, был в своем руководстве театром деспотом. На что большинство сотрудников гениального режиссера старались закрывать глаза — готовы были простить ему обыды за участие продолжения работы с ним. Но Всеволод Эмильевич мог проявить безжалостность и к преданным ему безотказно. Тому пример: история с лучшей актрисой мейерхольдовского театра Марией Бабановой — эта коллизия исчерпывающе рассмотрена в превосходной книге Майи Туровской.

Но Ильинский, похоже, настолько приближался к проповедуемому Мастером идеалу артиста, что с его строптивостью Мейерхольд принуждал себя смиряться: Ильинский уходил от него и возвращался. И вообще создавался впечатление: Мейерхольд больше любил Ильинского, чем Ильинский Мейерхольда.

Не все, правда, знают, что независимость, Иль-

инского сказывалась не только тогда, когда премьерствовал он у Мейерхольда. Немногим известно, что из МХАТа, руководимого Станиславским и Немировичем-Данченко, он, будучи никому еще неизвестным, ушел через две недели службы там — по собственному желанию.

В МХАТе собирались ставить «Ревизора» Гоголя. Приятель Ильинского, тоже совсем молодой актер Аким Тамиров, предложил ему: «Игорь, мы с тобой оба — маленькие толстенькие... Давай нарочно пройдем вдвоем мимо Станиславского или Немировича — вдруг они нам тогда предложат роли Бобчинского и Добчинского». Но в двадцатилетнем Игоре все возмало против такого, как он считал, унижительного варианта. И он распродался с Художественным театром. А Тамиров служил еще четыре года. Но после гастролей МХАТа в США навсегда остался в Голливуде. В «Одноэтажной Америке» Ильф и Петров, не называя имени, описывают свою встречу там с Тамировым, где хорошо устроенный («хороший американский домик с электрическими приборами, газовым отоплением в полу и серебряной елкой... Хороший американский туринг-кар, с зажигалкой и радио...»), но громкого имени в кино не приобретший за двенадцать лет съемок во многих фильмах, но без зависти удивляется успешному артисту республиканца?», «Хмелев — играет царя Федора?», «Ну а про Ильинского я все знаю! Знаменитый артист стал, а мы с ним вместе в студии учились. С Игорем!»

Между прочим — но это уже после «Одноэтажной Америки» — Аким Тамиров стал звездой мирового кино.

...ДВАДЦАТЬ лет назад мне поручили взять интервью у Игоря Владимировича по случаю его семидесятилетия. Интересного разговора тогда не получилось — по моей вине. Я излишне умирал, желая произвести на Ильинского впечатление театроведа и всезнайки, а он с дачи из Внукова заскакал домой на полчасика — и терпеливо, но не расслабляясь, не размагничиваясь, выслушивал вопросы про общественное: о чем можно или где-нибудь прочесть, или узнать от других, не обязательно от самого артиста.

И все-таки одним ответом он меня тогда озадачил. В Малом театре «Лес» Островского ставил молодой в ту пору режиссер Леонид Хейфец — Ильинский через столько лет после мейерхольдовского спектакля снова играл Арашку. И я спросил о разнице в трактовках роли. Ильинский сказал, что у Мейерхольда приходилось играть

гаера, а сейчас они с постановщиком в большей степени вытекают в психологию.

Желаю выглядеть остроумным, я спросил: что же Хейфец, выходит, лучше Мейерхольда? «Глубже», — с коряющейся меня в моей любви к авторитетам серьезностью ответил артист Малого.

И мне ничего не оставалось, кроме, как подумывать: насколько же жестоко живет театр лишь нынешним днем. Я не знал или забывал, что Ильинский уже однажды и в Малом театре играл «Лес». А партнером у него был исполнявший роль Несчастливцева Пров Садковский, который, узнав о поступлении к ним в театр Игоря Владимировича, во всеуслышание заявил, что теперь остается ждать приглашения в Малый Карандаша из цирка. И теперь я подозреваю, что доказательством корифеям Малого, что он, Ильинский, велик и как мастер реалистической школы, мой собеседник-юбилар дорожил побольше, чем триумфом в легендарном мейерхольдовском спектакле.

Не знал я тогда, конечно, дополнительных подробностей в отношении Ильинского к Мейерхольду, проявившихся спустя годы после гибели Мастера.

Сравнительно недавно опубликованы воспоминания Бориса Рязского — военного прокурора, работавшего в середине пятидесятых годов в отделе, где пересматривались дела тех, кто осужден был некогда Военной коллегией Верховного суда. Он, в частности, занимался посмертной реабилитацией Мейерхольда.

Совершенно несведущий в театральных делах молодой юрист искал в среде работников искусства тех, кто мог просветить его и помочь. Ему казалось, что проще всего будет найти общий язык с Игорем Ильинским — он рассуждал так: комедийный актер, значит, легкий в общении человек. Но теперь вспоминает: «С первой минуты я почувствовал, что передо мною гигант, необыкновенно глубокий человек, что я перед ним мышь...» Рязскому повезло еще с тем, что его родная тетя жила во Внукове и была знакома с Ильинским — они вместе каждую субботу ходили в церковь в Переделкине. Рязский встретился с артистом в домашней обстановке. Тот дал ему ряд советов и предупредил прокурора: «Смотри, у него много врагов, многие не захотят, чтобы он воскрес...»

Я-то очень хорошо помню пятидесятые годы, и мне, наверное, гораздо легче, чем сегодняшним молодым людям, оценить мужество письма Игоря Ильинского, им написанного по просьбе Рязского в Главную военную прокуратуру.

Сегодня, конечно, кому-то из читающих эти ныне опубликованные письма видных артистов, режиссеров, писателей, способствующих возвращению честного имени Мейерхольду, может показаться, что тон в некоторых из них несколько сдержан, чувствуется известная осторожность в оценках, дипломатичные оговорки. Но это кажется сегодня, когда перед именем Мейерхольда неприменны наивысшие эпитеты. А тогда-то в неуспешной еще попытке оторвать робкой отпелли люди, сами-то чудом избежавшие репрессий (или, как выдающийся драматург Николай Эрдман, подобной участи не избежавшие), шли на определенный риск, хлопота за того, кто объявлен был властями врагом народа...

Но я бы не сказал, что откровенно выражавший несогласие с Мейерхольдом Ильинский пишет в своем письме о Мейерхольде с большими оговорками, чем боготворивший того Бабанова. Ильинский пишет, что благодарит судьбу за то, что она дала ему возможность работать с ним и ошибаться с ним.

...ДО МЕНЯ вдруг дошло, что в кинематографе с Ильинским приключилось нечто подобное происшедшему на театральных подмостках с Марией Бабановой: с какого-то момента до нескорого следующего мига удача, а затем уж и окончательно он оказался лишним, сохраняя, однако, видимое перенесение.

Что было с ним после всенародно прославивших молодого театрального премьера картин — «Закройщик» и «Праздника»? Новая слава, пришедшая к нему вместе с Любовью Орловой и другими актерами, занятыми в комедии Григория Александрова «Волга-Волга».

Со слов самого Ильинского мы узнали о странном интересе. На каком-то из кремлевских приемов Сталин сделал вид, что непомнит и, значит, гневается на присутствие среди приглашенных сюда постороннего, за которого он якобы принял Игоря Ильинского. Когда же ему сообщили, что это не посторонний вовсе, а исполнитель роли Бывалова в Александровском музыкальном фильме, — разом подобрел, выказал ему крайнее расположение и обаял актера и всех зрителей разыгранной сцены, сказав: «Мы с вами, товарищ Бывалов, как бюрократы, пойдем друг друга...»

Что обозначала ласка вождя, вернее, какие перспективы перед обласканным открывались? На сей счет нам теперь не возвращается сделать множество предположений. То, что «Волга-

Волга» стала любимым сталинским фильмом (вождь всегда заранее, предвкусив комический эффект, начинал смеяться, когда приближался эпизод, где Бывалов с верхней палубы прыгает в реку), можно бы посчитать и охранной грамотой артисту. Но тогда загадка: почему же кинорежиссеры (и тот же Александров) не поспешили снимать Ильинского — каждый в каждой своей комедийной ленте? В следующий раз Игорь Владимирович приметно снялся только лет через двадцать, если не ошибаюсь.

Не сомневаюсь, что в своем жанре Иосиф Виссарионович был артистом, ничем не уступающим Игорю Ильинскому, а уж как постановщик массового действия, определившего наш, как бы сейчас сказали, менталитет, неподражаемо умел чередовать трагическое с веселым, строго дозированным, но тем не менее заставлявшим от трагического отворачиваться, отрешиться, заставить себя о нем позабыть. Карл Радке, журналист и политик, расстрелянный уже после выхода на экран «Волги-Волги», опасно острит, что Сталин хочет назвать в честь писателя Горького не только Нижний Новгород, а и всю эпоху. Он не совсем прав — от сладкого пирога, как теперь понимаешь, откусить давалось, дозволялось, но только с условием: сохранить в памяти лишь этот вкус, не иначе.

В середине пятидесятых, в период, когда Ильинский, вероятно, уже репетировал в Малом «Власть тьмы», дебютировавший в игровом кино режиссер Эльдар Гязанов пригласил маститого артиста на роль злого же борзатра Огурцова в фильме «Карнавальная ночь». Приглашая не по своей воле — не смог послушаться всемогущего директора «Мосфильма», выдающегося режиссера Ивана Пырева. Сам же Гязанов хотел, чтобы Огурцова у него сыграл Петр Константинов — замечательный артист, игравший впоследствии, когда перешел из Театра Советской Армии в Малый, Акима в очереди с Ильинским. Артист, повторяю, замечательный, но не комик — Гязанов вспоминал позднее, что сыгранный на пробы Константиновым Огурцов не столько смешил, сколько страшил, на экране видели взвешивающего чиновника, вызвавшего ассоциации с повседневной реальностью.

Пырьев и Александров соперничали как главные комедиографы в советском кино. Помню, как Любовь Орлова смеялась над тем, что жестокий характер их соперничества легко объясним тем, что, участвуя некогда, как актеры, в спектакле «Мексиканец» по Джену Лондону, они по приказу режиссера дрались на ринге, почитаяму. Но спор этих знаменитых режиссеров, конечно же, спор стилей, манер, адресов. Григорий Васильевич Александров очень умело следовал голливудским образцам, откровенно да и непосредственно учился у Чаплина, с которым и знаком был, и поддерживал отношения, что в сталинскую эпоху вряд ли кому-нибудь другому позволили. Шестикратный же лауреат Сталинских премий Иван Александрович Пырьев, на мой взгляд, не обладал кинозрительской соперника, менее уверенно, может быть, пользуясь профессиональными лекалами, развивался самостоятельное, самоубийное, пришел к жанру, ныне именуемому мюзиклом, путем сугубо личностных иллюзий и проб.

Пырьев, работая одновременно с Ильинским, был рядовым мейерхольдовским актером. И все же думаю, что не настолько по только-только реабилитированному Мастеру заставляла его навязать свою волю Гязанову — заставив того взять актера «от Александрова», при том, что чужая стезя — кино, аста, наверное, кажется, менее рискованной, чем своя. Не видел ли он в приглашении именно Игоря Ильинского гарантии соблюдения законов жанра, обещающего удачу?

И Гязанов вряд ли был в претензии на директора «Мосфильма» за властную подкачку. Судя по всему, содружество узнавшего успех режиссера с возрожденным для кино Ильинским обещало многое. Но время — во всех смыслах — работало против них.

Для роли в «Человеке нигде» Игорю Владимировичу уже не доставало прежних сил физических — и он без обиды уступил главную роль совсем молодому тогда Сергею Юрскому.

Вой же за право исполнения Ильинским эпизодической роли Кутузова в экранизации комедии Александра Гладкова «Давным-давно» — киноное начальство ужасала мысль, что великого полководца изображает великий комик, — они выжили. Но победа была, по-видимому, пирровой, обшившей у самолюбивого гиганта какую бы то ни было охоту сотрудничать с кинематографом в дальнейшем.

Актер, как мало что естественно шагнувший в телевизионную эру, совершенно не опасался за отсутствие ангажемента в новом, тящем достойную его таланта перспективу деле. И телевизионное суждено было стать для Игоря Ильинского как бы аналогом бессмертия или, уж во всяком случае, нелимитированного продолжения...

● Персонажи телевизионного фильма «Эти разные, разные, разные лица» по рассказам А. П. Чехова. Все роли исполняет И. В. Ильинский.